

А.К. Тулохонов

О Стратегии социально-экономического развития Сибири: риски, проблемы, решения¹

УДК 332.025.1

Аннотация. Автор статьи подвергает критическому разбору новую редакцию Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2035 г. Серьезные замечания вызывают некоторые формулировки; перечень приоритетных направлений развития (кластеров) представляется неполным – не отражающим имеющийся потенциал и не отвечающим интересам развития территории. При описании развития транспортной, энергетической инфраструктуры, некоторых ключевых отраслей специализации игнорируются не только современные технологические достижения, но и мировые тренды развития. Наконец, совершенно не учитываются реалии новой геоэкономической и геополитической ситуации, глобальные климатические изменения. Автор приходит к выводу, что новая Стратегия устарела уже в момент выхода и предлагает пересмотреть ее содержание, расширив охват документа до всей азиатской части России.

Ключевые слова: Стратегия развития Сибири; стратегическое планирование; кластеры; развитие Сибири; Азиатская Россия

Российское правительство нередко удивляет свой народ различными экономическими и правовыми новациями в виде очередных реформ, принятия новых законов, введения налогов и других директив, имеющих цель улучшить его жизнь и благосостояние. К сожалению, не всегда поставленные цели достигают намеченного результата. К числу таких федеральных директив можно отнести и утверждение распоряжением Правительства РФ от 26 января 2023 г. № 129-р² очередной «Стратегии развития социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 г.» (далее Стратегия).

Отметим, что Сибирь несколько обделена вниманием федерального руководства. К примеру, развитию Дальнего Востока

---

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН 0273–2021–0002 (№ АААА-А21–121011990023–1).

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_438649/ (дата обращения: 17.04.2023).

только в 2020 г. были посвящены Указ Президента РФ № 427 от 26 июня «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока»³ и «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.»⁴, утвержденная распоряжением Правительства РФ № 2464-р от 24 сентября.

Можно только удивляться богатству экономико-правовой терминологии, когда для достижения одной и той же цели – развития территории – используются и Указы Президента, и Национальные программы, и теперь вот Стратегия. При этом все они, хоть и с некоторым запозданием, реализуют «Обращение Президента РФ к Федеральному собранию» от 2013 г., где было заявлено, что главным приоритетом российской политики в XXI веке будет развитие ее восточных регионов⁵.

В ряду развивающих идеи «Обращения» документов особое место занимает Концепция «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г.» (далее Концепция), утвержденная распоряжением заместителя Председателя Правительства РФ Д.Н. Козака 22.05.2017 г. В ее преамбуле отмечается: «Обширные пространства страны стали катализатором ее развития в советскую эпоху, а в современной России тормозом и бременем экономического развития выступает не само пространство, а неоптимальное управление им, в силу чего страна недополучает от пространственной организации производительных сил те экономические дивиденды, которые большая Федерация могла бы получать – в виде эффекта разнообразия. Поскольку пространство недоиспользуется, оно начинает восприниматься как бремя, а не как возможность, не как ресурс, не как важнейший актив экономического развития».

Это во многом перекликается со сказанными значительно ранее словами Н. Бердяева: «В судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на Земле, ее необъятные пространства».

---

³ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_355816/ (дата обращения: 17.04.2023).

⁴ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363186/7bd6de8404dfdc3292ca1f4724821bf2d1b3abc8/ (дата обращения: 17.04.2023).

⁵ Текст послания Президента РФ Федеральному Собранию 2013 года // Российская газета [Эл. ресурс]. URL: <https://rg.ru/2013/12/12/poslanie.html> (дата обращения: 17.04.2023).

К сожалению, специфика российского пространства осталась без внимания во всех последующих правительственных документах по социально-экономическому развитию Сибири и Дальнего Востока. Можно лишь предположить, что авторы Стратегии имели не только иной, чем у разработчиков Концепции подход к поставленной задаче, у них различались даже цели.

Возвращаясь к обсуждаемому документу, следует отметить, что определение в качестве его объекта Сибирского федерального округа не совсем корректно. Это территориальное образование не только не упоминается в Конституции РФ в числе региональных субъектов, оно может без достаточного обоснования субъективно менять свои границы, а равно могут появляться его новые аналоги. На наш взгляд, более логично рассматривать Сибирь и Дальний Восток в рамках единого макрорегиона Азиатской России. Прежде всего эти два региона связаны единой транспортной сетью. При этом Сибирь не имеет прямого выхода к странам Азиатско-Тихоокеанского региона, а особые перспективы для Сибирской Арктики имеет Северный морской путь, пересекающий два главных российских океана. Из Западной Сибири проложены на восток транзитные нефте- и газопроводы.

Следует предположить, что при росте санкционного давления со стороны коллективного Запада новые центры экономического роста России неизбежно должны перемещаться на ее азиатскую территорию с ориентацией на страны Тихоокеанского региона.

Как бы то ни было, Стратегия принята и должна исполняться в соответствии с той же Конституцией РФ. Однако при ее внимательном изучении возникают сомнения в корректности поставленных целей, задач и приоритетов, которые мы считаем целесообразным обсудить, хоть и с запозданием.

Отметим, что упомянутые федеральные директивы по развитию Дальнего Востока уже выносились нами на обсуждение [Тулохонов, 2020; Тулохонов и др., 2020], были сформулированы и предложения по их реализации. Однако, судя по содержанию данной Стратегии, все они остались без внимания федеральных чиновников. Полагаем, есть смысл обсудить этот документ в контексте наших прошлых замечаний.

Прежде всего, подобный акт должен определить специфику объекта, поставленных целей и задач. Целью Стратегии, как следует из ее текста, является «Создание условий для повышения конкурентоспособности экономики субъектов СФО и как следст-

вие повышение уровня и качества жизни населения» (С. 26). Таким образом, по мнению авторов документа, повышение уровня жизни населения вторично по отношению развитию экономики. *Между тем с точки зрения логики развитие экономики само по себе не имеет смысла. На наш взгляд, конкретно в данной фразе уместнее было бы заменить слово «следствие» иным понятием – «в целях», что более соответствует стратегическим целям развития РФ, как их сформулировал Президент.* И такой «лозунг» можно отнести к любому объекту российской экономики, как и к приоритетам и задачам рассматриваемой Стратегии.

Не вдаваясь в излишние детали и сохраняя конструктивный подход своей критики, автор, не претендуя на истину в последней инстанции, предложил бы использовать в подобных работах формулировки Концепции пространственного развития РФ, где в качестве цели указано «Значительное повышение эффективности использования российского пространства в глобальной экономике в целях национальной безопасности страны» (С. 29)... (и здесь было бы уместно добавить «в новом мире», имея в виду происходящие геополитические и геоэкономические изменения).

Кстати, о последнем: данная Стратегия утверждена почти через год после начала специальной военной операции на Украине и через восемь лет после введения первых антироссийских санкций. Между тем в этом документе нет ни одного упоминания о западных санкциях или новой геополитической ситуации, которая напрямую касается развития экспортоориентированных отраслей сибирской экономики.

Основная часть Стратегии посвящена описанию статистических данных, характеризующих социально-экономическое развитие субъектов РФ, входящих в состав СФО, и имеет больше справочное значение. Второй по объему раздел предлагает кластерный подход к сибирской экономике. Обращает на себя внимание, что разработчики Стратегии посчитали перспективными для СФО всего восемь кластеров, из них пять ориентированы на развитие сырьевой экономики. Но и к этим восьми возникает масса вопросов. Например, в кластере «Драгоценные металлы» (С. 33) нет упоминания о платине, соответственно, в кластере «Цветные и редкоземельные элементы» (С. 34) нет предложений о развитии Норильского промышленного узла – одного из столпов российской горнорудной экономики.

Дальше – больше. В кластере «Сельское хозяйство и пищевая промышленность» (С. 36–37) дважды отмечается необходимость «развития экосистемы контрактного производства зерновых, зернобобовых и масличных культур» (С. 37), а также «глубокой переработки производимой продукции» (С. 37) без объяснения содержания этих предложений. При этом нет упоминаний о развитии животноводства в целях экспорта его продукции с высокой добавленной стоимостью. Хотя еще более 100 лет назад Д.И. Менделеев отмечал: «Сельское хозяйство – своего рода промышленность для производства растений и животных. Гораздо выгоднее экспортировать не зерно, а скот». Это тем более актуально сейчас, когда *российская экспортная политика все сильнее ориентируется на страны АТР, где существует острая потребность в качественной (органической) продукции пастбищного животноводства.*

В кластере «Уголь» (С. 9–40) отмечается необходимость расширения железнодорожной сети «под вывоз угля ввиду нехватки провозной способности железных дорог» (С. 40). Вряд ли такое предложение, которое неизбежно порождает рост холостого обратного пробега вагонов и транспортных затрат на доставку грузов до морских портов, можно отнести к дальновидным, тем более – стратегическим, ориентированным на интересы России и ее граждан. Кроме того, представляется, что Стратегия должна учитывать и мировые тренды «зеленой» экономики с неизбежным сокращением угольной генерации электроэнергии и развитием возобновляемых источников энергии. Однако по тексту документа этого не ощущается.

На фоне сырьевой кластерной специализации сибирской экономики авторы Стратегии оставили без внимания такую ее ключевую отрасль, как машиностроение. Вместо высокотехнологичных производств нам предлагается развивать «Туризм», хотя этот кластер вряд ли способен влиять на экономическое развитие региона.

С нашей точки зрения, Стратегия развития Сибири, как и любой другой стратегический документ федерального уровня, не может не учитывать исторический опыт – как положительный, так и отрицательный. Примеры и первого, и второго на слуху. Достаточно вспомнить успешные реформы П.А. Столыпина, реализацию планов ГОЭЛРО и первых пятилеток, которые стали драйвером развития Востока России. Позднее не менее

ярким примером стало строительство авиационных заводов в Новосибирске, Иркутске, Улан-Удэ, Комсомольске-на-Амуре, в Арсеньеве, которые вынесли основную тяжесть тылового обеспечения в период Великой Отечественной войны и которые так пригодились сегодня в новой войне с Западом.

Новая Стратегия декларирует, что «к 2030 г. в Сибири будет создано более 500 тысяч новых рабочих мест и привлечено более 16 трлн рублей инвестиций» (С. 30) (без указания источников). Таким образом, в течение оставшихся семи неполных лет до этого срока необходимо ежегодно обеспечивать вакансиями не менее 70 тыс. квалифицированных рабочих и осваивать почти по 3 трлн руб. Планы действительно грандиозные. Но кто и как будет их выполнять? [Соболева и др., 2020; Силин, Юдашкин, 2020; Калугина, 2016].

В той же Стратегии, в разделе «Основные проблемы и вызовы социально-экономического развития СФО» отмечается, что за последние 30 лет население Сибири сократилось на 8,6%, или на 1,8 млн человек. Только за 2021 г. убыль населения составила 114 523 человека, в том числе естественная – 127 118 человек, миграционный прирост – 12 595 человек (С. 25). Получается, реализовывать эти планы просто некому.

Ну, допустим, если заявленные средства будут выделены, в Сибирь хлынут потоки переселенцев из других регионов России, которые смогут их освоить. Но какие новые объекты планируется построить здесь в эти сроки? Предполагается, что они должны быть достаточно масштабными, сопоставимыми с теми же «ударными комсомольским стройками» недавнего прошлого, чтобы обеспечить высокую капиталоемкость и трудоемкость, а главное – соответствующую отдачу от них для страны и регионов присутствия. Текст Стратегии таковых не предлагает. Более того, на всей территории Сибири мы не найдем ни одного подобного объекта, построенного за прошедшие тридцать лет реформ, да и в планах правительства таких промышленных гигантов, на создание которых потребовались бы триллионы рублей, встречать не приходилось [Новый импульс, 2022].

Отдельный раздел Стратегии посвящен развитию инфраструктуры (С. 40–42), среди видов которой выделены только транспортная и энергетическая. Социальная, научная, медицинская и все прочие каким-то образом прошли мимо внимания авторов документа. Следует предположить, что они не считают

необходимым развивать в Сибири науку, образование, культуру, здравоохранение? Но и развитие транспортной инфраструктуры в Стратегии выглядит каким-то односторонним. Там ничего не говорится о внедрении новой техники и современных технологий в авиационных, морских и речных перевозках, о необходимости расширения экспортных коридоров через Казахстан и Северный морской путь, значение которого должно возрасти на фоне глобального потепления. Кстати, *проблема глобального изменения климата, которое неизбежно и самым непосредственным образом повлияет на будущее Сибири и Российской Арктики, почему-то оказалась обойдена авторами Стратегии. Между тем, по нашему мнению, ей необходимо уделить особое внимание*, имея в виду влияние потепления на мерзлоту, занимающую более половины площади нашей страны, и другие последствия.

Предложения в сфере развития энергетической инфраструктуры тоже вполне стандартны. Авторы документа обошли вниманием многочисленные предложения ученых и экспертного сообщества об оптимизации энергопотребления, снижении стоимости электроэнергии, энергосбережении, строительстве новых ГЭС и атомных станций, развитии энергетики на основе ВИЭ. Сюда же относятся и вопросы развития газотранспортной сети. *В связи с сокращением потребления российского газа в Европе нам предстоит полностью изменить систему экспортных поставок газа, а равно предусмотреть газификацию Азиатской России.* Но в Стратегии об этом – ни слова.

Весьма любопытен раздел, посвященный сценариям социально-экономического развития Сибири, в котором выделены три этапа реализации Стратегии. Первый (2023–2025 гг.) предусматривает *«реализацию наиболее проработанных проектов, отобранных заместителем Председателя Правительства РФ, координирующим государственную политику в области комплексного социально-экономического развития субъектов РФ и одобренных Председателем Правительства РФ для дальнейшей проработки в рамках института кураторства федеральных округов заместителями Председателя Правительства РФ ...»* (С. 42).

Впервые в документе такого уровня предложено поручить реализацию его положений конкретному должностному лицу, что, казалось бы, должно внушать некий оптимизм. Однако все возможные плюсы предложения перечеркивает тот факт, что при

этом нет и речи о какой-либо научной проработке проектов, их экспертной оценке, как того требует регламент и федеральное законодательство, равным образом обойден вопрос и об ответственности за их реализацию.

Второй этап (2026–2030 гг.) направлен на обеспечение масштабных трансформаций социально-экономического развития СФО в связи с реализацией крупных инфраструктурных (*инвестиционные не упоминаются*) проектов (С. 43).

Третий этап (2031–2035 гг.) предусматривает выход экономики СФО на более высокий уровень самодостаточности, снижение доли бюджетных инвестиций в инвестиционных (*здесь умалчиваются уже инфраструктурные*) проектах (С. 43–44).

Таким образом, в качестве критериев реализации Стратегии ее авторы используют такие понятия, как «масштабные трансформации», «крупные проекты», «высокий уровень самодостаточности», «снижение доли бюджетных инвестиций», старательно избегая конкретных количественных и качественных измерителей, так что Стратегия оказывается просто обречена на успех при любых результатах. Более того, задача «снижения доли бюджетных инвестиций» успешно выполняется и без Стратегии – во всех без исключения современных государственных программах и проектах.

Не менее интересен перечень целевых показателей социально-экономического развития СФО (С. 46). В качестве таковых в приложении к документу выделены только два:

1) объем инвестиций в основной капитал (за исключением бюджетных средств);

2) прирост числа рабочих мест.

То есть в конечном итоге предлагается оценивать развитие субъектов СФО по объему затраченных средств частными инвесторами, без участия государства...

При таком раскладе не приходится удивляться, что в новой Стратегии нет даже упоминания об эффективности реализации, не прописаны механизмы и инструменты достижения поставленных задач. И хотя последним посвящен специальный раздел, ничего, кроме острого чувства неудовлетворенности, он не вызывает. Механизмами там названы всевозможные национальные и федеральные проекты, отраслевые государственные программы и другие документы из категории давно забытых «реликвий».

Следует отметить, что новая Стратегия родилась в недрах Министерства экономического развития РФ без каких-либо публичных обсуждений и тем более научной экспертизы со стороны академических институтов. Между тем в соответствии со статьей 72 Конституции РФ вопросы, обсуждаемые в документе, находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, так как, во-первых, касаются владения и пользования недрами, водными и другими природными ресурсами, во-вторых, непосредственно затрагивают условия жизни и деятельности местного населения.

Вероятно, по старой традиции правительство не сочло нужным обсудить самые актуальные вопросы жизни сибиряков с ними самими. Здесь есть два предположения. Либо это очередной документ, не имеющий практического значения, и его составители, сознавая это, просто минимизировали свои усилия, создав очередную «отписку» для начальства. Либо мнение людей, уровень жизни которых они пытаются «приподнять», не особо интересует федеральных чиновников.

Листая страницы этого документа, нельзя не вспомнить эпизоды нашей недавней истории, когда директивы такого уровня широко обсуждались научной общественностью с участием высшего политического руководства страны и только после этого становились исполнительными документами, обеспеченными необходимыми механизмами реализации. Так, в 1932 г. в Москве прошла первая Всесоюзная конференция по размещению производительных сил, определившая задачи второго пятилетнего плана. Через два года в Ленинграде по инициативе правительства Бурят-Монголии прошла первая конференция по развитию производительных сил республики.

Не может не удивлять, что руководители республики того времени, не имевшие особого образования и опыта, посчитали необходимым вывезти весь состав правительства в Ленинград, где находился Президиум Академии наук СССР и обсудить с наукой планы развития экономики региона. В послевоенное время подобные научно-практические конференции проходили в Бурятии в 1969 г., 1979 г., 1989 г., на них всесторонне обсуждались долгосрочные планы развития ее экономики.

Для Сибири в целом стратегические планы строились в более крупных масштабах. Знаковым событием стала Всесоюзная конференция по развитию производительных сил макрорегиона,

проходившая в новосибирском Академгородке в 1980 г. под председательством секретаря ЦК КПСС М.В. Зимянина с приглашением руководителей союзных и республиканских министерств и ведомств, всех глав регионов. К этому времени началось строительство БАМа, активно развивалась нефтяная индустрия Западной Сибири, состоялась известная поездка Л.И. Брежнева по сибирским и дальневосточным территориям, инициировавшая создание программы «Сибирь». Перед горбачевской перестройкой подобная конференция прошла в 1985 г. в Новосибирске с участием Председателя Совета министров РСФСР В.И. Воротникова. К сожалению, это было венцом развития плановой экономики и достижений Советского Союза.

Не будем пытаться прогнозировать вероятную судьбу реализации новой Стратегии, в ее отношении можно лишь надеяться на справедливость утверждения одного из классиков: «Нас спасает лишь то, что политики не выполняют своих обещаний, иначе страна давно бы уже обанкротилась». Рецензируемый документ скорее всего повторит путь многих своих предшественников и канет в Лету в качестве очередной экономической фантазии неизвестных авторов, далекой от реалий времени.

Сегодня Россия и Сибирь в очередной раз оказались на распутье. С одной стороны, никто не берется (да это и невозможно) опровергнуть известное высказывание М.В. Ломоносова: «Российское могущество будет прирастать Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке». С другой – диссонансом к ним звучат не менее справедливые слова П.А. Столыпина о том, что если мы по-прежнему будем «... укреплять центр, то наиболее удаленные и истерзанные части страны могут безболезненно и незаметно опасть, отсохнуть, отвалиться. И будущими поколениями мы будем привлечены к ответу» [Избранные выступления..., 2012]. И то, и другое сегодня имеет место, и задача академической науки, государства и общества в целом – выбрать верный вектор развития.

Нет никаких сомнений в ценности и жизненной необходимости стратегических документов субфедерального уровня для развития Азиатской России. Но они должны быть наполнены иным, более тщательно продуманным содержанием, должны учитывать реалии новой геополитической ситуации, должны широко обсуждаться с наукой и общественностью в регионах.

В частности, с нашей точки зрения, в Стратегии развития Сибири целесообразно выделить следующие приоритеты.

1. Необходимо рассматривать Сибирь и Дальний Восток как единый стратегически важный макрорегион России, имеющий выход к большей части Северного Ледовитого и Тихого океанов и странам АТР, что особенно актуально в условиях западных санкций.

2. Экономические проблемы Сибири целесообразно решать с прицелом на сохранение территориальной целостности российского государства и национальной безопасности с учетом опыта политических, экономических и культурных отношений с европейскими соседями.

3. Ключевые проблемы, которые нужно решить для развития экономики Азиатской России – это кадровое обеспечение инвестиционных планов, обеспечение транспортной доступности всех периферийных территорий, создание равных условий для сохранения здоровья, повышения образования, культуры и уровня жизни населения независимо от места проживания.

4. Как показывает исторический опыт плановой экономики, решающее значение для развития макрорегиона имеет опережающее развитие наукоемких производств, включая оборонные, и экспортоориентированных отраслей экономики с глубокой переработкой сырья, позволяющих минимизировать затраты на социальную инфраструктуру.

5. В конечном итоге восточные территории России из источника сырья должны превратиться в регионы с высоким уровнем жизни и комфортными условиями проживания для его населения. Именно это должно стать главной целью обновленной Стратегии.

Здесь представлен далеко не полный спектр возможных направлений развития сибирской экономики и условий, определяющих жизнь населения на просторах Азиатской России. Подготовка документов и программ стратегического уровня, безусловно, требует гораздо более серьезной проработки, вдумчивого участия многих людей и даже коллективов. Главное при этом иметь в виду известное выражение академика А.Г. Гранберга «Пространство есть ценнейший ресурс государства для наших дней и будущих поколений». *И – добавим – рациональное его освоение есть первостепенная задача российской науки.*

Литература

Избранные выступления П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 годы. М.: Издание Государственной Думы, 2012. 228 с.

Калугина З.И. Человеческое развитие и миграционные процессы в Сибири // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. V Всероссийский социологический конгресс, 19–21 окт. 2016 г. Москва-Екатеринбург. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 1634–1644.

Новый импульс Азиатской России / Под. ред. В.А. Крюкова, Н.И. Сулова. Новосибирск, Изд-во ИЭОПП СО РАН. 2022. 572 с.

Силин А.Н., Юдашкин В.А. Вахтовый труд как социальный феномен: место в пространственном развитии регионов и проблемы нормативно-правового регулирования // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Т. 6. № 4 (24). С. 95–109.

Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Миграция населения в приграничных регионах Сибири // Континент Сибирь. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. С. 363–378.

Тулохонов А.К., Михеева А.С., Бардаханова Т.Б. Еще раз о Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 4. С. 165–179. DOI 10.14530/se.2020.4.165–179; EDN CYWJJA.

Тулохонов А.К. Географическое пространство новой России: о прошлом, настоящем и будущем. Улан-Удэ: ИД «ЭКОС», 2020. 352 с.

Статья поступила 28.04.2023

Статья принята к публикации 10.05.2023

Для цитирования: *Тулохонов А.К.* О Стратегии социально-экономического развития Сибири: риски, проблемы, решения // ЭКО. 2023. № 7. С. 8–20. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-7-8-20

Информация об авторе

Тулохонов Арнольд Кириллович (Улан-Удэ) – академик РАН, доктор географических наук, профессор. Байкальский институт природопользования СО РАН. E-mail: aktulohonov@binm.ru; ORCID: 0000-0001-7589-7121

Summary

A.K. Tulokhonov

On the Strategy for Socio-Economic Development of Siberia: Risks, Problems, Solutions

Abstract. The author of the paper critically analyzes the new version of the Strategy for socio-economic development of Siberia until 2035. Some wording causes serious comments; the list of priority areas of development (clusters) seems incomplete – not reflecting the existing potential and not corresponding with the interests of the territory's development. When describing the development of

transport, energy infrastructure, some key sectors of specialization, not only modern technological achievements, but also global development trends are ignored. Finally, the realities of the new geo-economic and geopolitical situation and global climate change are completely ignored. The author concludes that the new Strategy is already outdated at the time of release and proposes to revise its content, expanding the scope of the document to the entire Asian part of Russia.

Keywords: *Strategy for the development of Siberia; strategic planning; clusters; development of Siberia; Asian Russia*

References

Kalugina, Z.I. (2016). *Human development and migration processes in Siberia. Sociology and society: social inequality and social justice*. Moscow. Russian Society of Sociologists. Pp. 1634–1644. (In Russ.).

New Impulse of Asiatic Russia. (2022). Under. ed. V.A. Kryukov, N.I. Suslov; Novosibirsk, IEIE SB RAS. 572 p. (In Russ.).

Selected speeches by P.A. Stolypin in the State Duma and the State Council. 1906–1911 years. (2012). Moscow. Publication of the State Duma, 228 p. (In Russ.).

Silin, A.N., Yudashkin, V.A. (2020). Shift work as a social phenomenon: a place in the spatial development of regions and problems of legal regulation. *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research*. Vol. 6. No. 4 (24). Pp. 95–109. (In Russ.).

Soboleva, S.V., Smirnova, N.E., Chudaeva O.V. (2020). Migration of the population in the border regions of Siberia. *Continent Siberia*. Novosibirsk. Publ. House of the IEIE SB RAS. Pp. 363–378. (In Russ.).

Tulokhonov, A.K. (2020). Geographical space of new Russia: about the past, present and future. Ulan-Ude: Publ. House “ECOS”. 352 p. (In Russ.).

Tulokhonov, A.K., Mikheeva, A.S., Bardakhanova, T.B. (2020). Once again about the National Program for the Socio-Economic Development of the Far East. *Spatial Economics*. Vol. 16. No. 4. Pp. 165–179. (In Russ.). DOI 10.14530/se.2020.4.165–179

For citation: Tulokhonov, A.K. (2023). On the Strategy for Socio-Economic Development of Siberia: Risks, Problems, Solutions. *ECO*. No. 7. Pp. 8–20. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-7-8-20

Information about the author

Tulokhonov, Arnold Kirillovich (Ulan-Ude) – Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Professor.

Baikal Institute of Nature Management, SB RAS.

E-mail: aktulohonov@binm.ru; ORCID: 0000-0001-7589-7121